

Сказка Г.Х. Андерсена " Сидень "

В старой барской усадьбе жили славные молодые господа. Жили они богато, счастливо, себе ни в чем не отказывали и других не забывали – делали много добра: им хотелось всех видеть такими же счастливыми, довольными, какими были сами.

В сочельник в богатой зале замка зажигалась великолепно изукрашенная елка; в камине ярко пылал огонь, а рамки старых картин были окружены венками из еловых ветвей. К господам собирались гости, начиналась музыка, танцы.

А пораньше, под вечер, рождественское веселье устраивалось и в людской. Тут тоже красовалась большая елка, пестревшая красными и белыми свечками, национальными флагами, бумажными лебедями и сеточками, наполненными сладостями. На эту елку приглашали также всех бедных ребятишек из окрестности с их матерями. Матери не очень-то заглядывались на елку, а больше все поглядывали на стол с подарками: шерстяными и бумажными материями на платья и штанишки. Туда же смотрели и дети постарше, и только малыши тянулись ручонками к свечам, мишуре и флагам.

Вся эта пестрая компания являлась сюда рано после обеда и угощалась рождественской кашей и жареным гусем с красной капустой; после же того, как все успевали досыта налюбоваться елкой и получить свои подарки, каждому подносили еще по чарочке пунша да по яблочной пышке.

Затем гости расходились по своим бедным лачугам, и там-то начинались разговоры о том, как славно живет барам, как они сладко едят и пьют, а наговорившись, все принимались еще раз хорошенько разглядывать свои подарки.

В услужении у господ жили также Оле и Кирстина – муж с женой. Они были приставлены к господскому саду в помощь садовнику и получали за свой труд помещение и стол. Кроме того, на их долю каждый сочельник доставались положенные подарки, и всех пятерых детей одевали на свой счет господ.

– Много делают добра наши господа! – говорили муж и жена. – Ну да ведь на то у них и средства, чтобы доставлять себе этим удовольствие!

– Тут славные платья для четверых ребят! – сказал Оле. – Что же, нет ничего для "сидня"? Прежде они и его не забывали, хоть он и не бывает на елке!

"Сиднем" прозвали они старшего сына; звали же его, собственно, Гансом. Малышом он был резвым, крепким ребенком, но потом вдруг с чего-то ослабел ногами, как они говорили, не мог больше ни стоять, ни ходить, и вот лежал в постели уже пятый год.

– У меня есть кое-что и для него! – сказала мать. – Только не Бог весть что – книжка для чтения ему!

– Сыт он с нее будет, нечего сказать! – заметил отец.

Зато сам-то Ганс очень обрадовался книжке. Он был мальчик способный, любил читать, да и работать не ленился и трудился, насколько хватало сил и умения. Он не сходил с постели, но руки у него были проворные, и он прилежно вязал шерстяные чулки и даже одеяла, которые госпожа помещица хвалила и покупала.

Книжка, что подарили Гансу господа, оказалась со сказками. Было ему теперь что почитать, о чем поразмыслить!

– А в доме-то от нее все-таки пользы мало! – сказали родители. – Ну да пусть себе почитает от скуки, не все же ему чулки вязать!

Пришла весна; начала пробиваться травка, показались первые цветочки, а с ними и сорные травы, как, например, можно обозвать крапиву, хотя о ней так прекрасно сказано в псалме:

Хотя бы всех земных царей
Со всех концов земли созвать,
То все же властью им своей
Листка крапивы не создать.

(Из псалма епископа Томаса Кинго 1634 – 1703). – Примеч. перев.)

В господском саду было поэтому много работы не только самому садовнику и его ученикам, но и Оле и Кирстине.

– Ну и работа! – говорили они. – Только что мы выкопем и вычистим все дорожки – их опять затопчут! Гости-то ведь у господ не переводятся! И во что это обходится им! Ну да и то сказать – куда ж им деньги-то девать?

– Да, мудро распределено все на свете! – сказал Оле. – Все мы дети одного Отца Господа, говорит священник, откуда же такая разница?

– Пошла она с грехопадения! – говорила Кирстина.

Об этом же зашел у них разговор и вечером, когда "сидень" лежал и читал свои сказки. От нужды и тяжелого труда огрубели не только руки, но и сердце и мысли бедняков; они не могли переварить своей бедности, не могли взять в толк ее причин и, говоря о том, раздражались все больше и больше.

– Одни живут в довольстве и в счастье, другие век свой должны мыкать горе! И с какой стати нам платиться за непослушание и любопытство наших прародителей! Мы бы на их месте ничего такого не сделали!

– Сделали бы! – сказал вдруг "сидень". – Вот тут в книжке все сказано!

– Что там сказано? – спросили родители.

И Ганс прочел им старую сказку о дровосеке и его жене. Они тоже бранили Адама и Еву за их любопытство, ставшее виной людского несчастья, а в это время мимо как раз проходил король той страны. "Идите за мною! – сказал он. – Вы будете жить не хуже меня; на стол вам будут подавать по семи блюд, да еще одно сверх того, но на него вы можете только смотреть. Стоит же вам дотронуться до этой закрытой миски – конец вашему сладкому житью!" – "Что бы такое было в этой миске?" – спросила жена. "Это нас не касается!" – ответил муж. "Да я и не любопытствую!" – продолжала жена. – Мне только хотелось бы знать, почему нам нельзя приподнять крышку? Уж, наверно, там что-нибудь отменно вкусное!" – "Только бы не какая-нибудь хитрая механика!" – сказал муж. – Вдруг как выстрелит да всполошит весь дом!" – "Ой-ой!" – сказала жена и не посмела дотронуться до миски. Но ночью ей приснилось, что крышка приподнялась сама собой и из миски запахло чудеснейшим пуншем, какой подают только на свадьбах да на похоронах. Еще в миске лежала серебряная монетка с надписью: "Напьетесь этого пунша и сделаетесь такими богачами, что все остальные люди будут перед вами нищими!" Тут она проснулась и рассказала мужу свой сон. "Ты слишком много думаешь об этом!" – сказал он. "А что, если чуть-чуть приподнять крышку?" – сказала жена. "Только чуть-чуть, смотри!" – сказал муж. Жена приподняла крышку – чуть-чуть... Из миски выскочили два юрких мышонка и шмыгнули в щелочку. "Спокойной ночи! – сказал король. – Можете теперь отправляться восвояси! Да не браните больше Адама и Еву – вы сами такие же любопытные и неблагодарные!"

– Как эта история могла попасть в книгу? – спросил Оле. – Ведь она точно на нас написана! Да, тут есть над чем призадуматься!

На другой день они опять пошли на работу, и за день-то их и солнцем пожгло, и дождиком до костей промогло. Опять накопело у них на душе, опять принялись они пережевывать невеселые думы и чувства. Отужинали они засветло, и Оле сказал Гансу:

– Ну-ка, прочти нам опять ту историю о дровосеке!

– Да тут много других хороших! – сказал Ганс. – Вы их еще не знаете!

– И не надо! – ответил отец. – Я хочу слышать ту, которую знаю!

И муж с женою опять прослушали ту же сказку. И не раз еще возвращались они к ней по вечерам.

– Не все-то она мне, однако, распутывает! – сказал раз Оле. – Поди ж ты вот, и с людьми бывает, что с молоком, когда оно скисается: выходит и дорогой сыр, и жидкая сыворотка! Иные так уж и роятся на счастье да на радость, никакой нужды весь век не знают!

"Сидень" лежал и слушал. Он был слаб ногами, но не умом, и вот взял да в ответ на это и прочел родителям из своей книжки сказку о человеке, который сроду не знал ни горя, ни нужды. Да где только было искать такого человека? А найти его надо было: король лежал при смерти, и спасти его могла только рубашка с человека, который бы по правде мог сказать, что сроду не знал ни горя, ни нужды. Разослали гонцов во все концы света, по всем замкам и усадьбам, ко всем зажиточным и довольным жизнью людям, но стоило хорошенько порасспросить их, и оказывалось, что все они испытали и нужду, и горе. "А вот я – нет!" – заявил один свинопас; он сидел у канавы и весело распевал песенку. "Я счастливейший человек на свете!" – "Так давай сюда твою рубашку!" – сказали посланные. – Тебе дадут за нее полкоролевства!" Но у него не было рубашки. А он все-таки называл себя счастливецом!

– Вот так франт! – вскричал Оле, и оба, и он и жена, принялись смеяться, как не смеялись уже много лет.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А мимо их жилища проходил школьный учитель.

– Ишь какое у вас сегодня веселье! – сказал он. – Вот новость–то! В лотерею выиграли, что ли?

– Нет, не то! – сказал Оле. – Это вот Ганс прочел нам сказку о человеке, сроду не знавшем ни нужды, ни горя, а оказалось, что у молодца и рубашки–то на теле не было! Поневоле размякнешь душой, как послушаешь такую историю, да еще прямо из книжки! Правда, знать, у всякого свой крест; никто не избавлен от этого! Все–таки утешение!

– Откуда у вас эта книга? – спросил учитель.

– А ее прошлый год подарили Гансу на елке! Господа подарили. Они знают, что он охотник читать, да и "сидень" вдобавок! Мы–то было жалели тогда, что они не подарили ему лучше на пару рубашек! Но книжка–то оказалась дельною: она словно отвечает тебе на все твои мысли!

Учитель взял книжку и раскрыл ее.

– Ну–ка, пусть он прочтет нам эту историю еще разок! – попросил Оле. – Я не запомнил ее как следует. А потом пусть прочтет и другую – о дровосеке! – Эти две сказки вполне удовлетворяли Оле; они как будто освещали солнышком все жилище и разгоняли тяжелые, мрачные думы, одолевавшие бедняков. А сам–то Ганс успел прочесть и перечесть свою книжку не раз; сказки уносили его в недоступный ему мир – ноги ведь не носили бедняжку.

Школьный учитель присел у постели и побеседовал с мальчиком. Беседа эта обоим доставила большое удовольствие, и с того дня учитель часто стал заходить к Гансу, когда родители были на работе. Для мальчика же каждое посещение учителя было настоящим праздником. Как внимательно слушал он рассказы старика о величине земли, о разных странах, о том, что солнце почти в полмиллиона раз больше земли и находится так далеко от нее, что пущенное с солнца пушечное ядро долетело бы до земли только через двадцать пять лет, тогда как луч света достигает до нее всего в восемь минут.

Все это известно в наше время каждому прилежному школьнику, но для Ганса все это было новостью куда более чудесной, нежели все сказки в его книжке.

Раза два в год школьного учителя приглашали отобедать в замке, и вот однажды он воспользовался случаем – рассказал господам, какое значение приобрела для бедняков та книжка, которую они подарили мальчику, какое благодетельное отрезвляющее влияние имели на бедняков какие–нибудь две сказки! Хилый, но умный мальчик вливал своим чтением мир и отраду в сердца родителей и заставлял работать их мысли.

Когда учитель стал прощаться, госпожа вручила ему пару серебряных далеров для маленького Ганса.

– Пусть их возьмут отец с матерью! – сказал Ганс, когда учитель принес ему деньги. А те сказали:

– "Сидень–то" наш тоже, оказывается, нам на радость и на пользу! Дня два спустя, днем, когда родители Ганса были на работе, перед жилищем их остановилась господская карета. Это пожаловала навестить "сидня" сама добрая госпожа: она была так рада, что ее рождественский подарок доставил столько утехи и удовольствия и родителям, и мальчику! На этот раз она привезла ему белого хлеба, фруктов, бутылку сладкого сока и – что всего больше обрадовало бедняжку – вызолоченную клетку с маленькой черненькой птичкой. Как она мило насвистывала! Клетку с птичкой поставили на высокий деревянный сундук, неподалеку от постели мальчика, чтобы он постоянно мог любоваться на птичку. Пение же ее слышно было даже на улице.

Оле и Кирстина вернулись домой уже после отъезда госпожи. Они хоть и видели, как рад был птичке мальчик, все–таки отнесли к подарку как к лишней обузе в доме.

– Много они рассуждают, эти баре! – сказали они. – Вот у нас теперь еще новая забота – ходить за птицей! Сам–то "сидень" ведь не может! Ну, и кончится тем, что кошка съест ее!

Прошла неделя, прошла другая; кошка за это время много раз побывала в горнице, не выказывая поползновения даже испугать птичку, не то что съесть. Но вот случилось удивительное событие. Дело было после обеда, родители и все дети были на работе; дома оставался один Ганс. Он сидел на постели и перечитывал сказку о жене рыбака, все желания которой исполнялись сейчас же. Захотела стать королем и стала, захотела стать императором – тоже, но когда захотела стать самим Богом – очутилась опять в грязи, откуда только что выбралась.

История эта не имела ни малейшего отношения ни к птице, ни к кошке; "сидень" только читал ее, когда произошло замечательное событие, и навсегда запомнил это обстоятельство.

Клетка помещалась на сундуке; кошка стояла на полу и пристально глядела на птицу своими желто–зелеными глазами. Взгляд ее как будто говорил птичке: "Как ты мила! Так бы и съела тебя!"

Ганс прочел это во взгляде кошки и закричал: "Брысь! Вон из комнаты!" А кошка как будто готовилась к прыжку.

Ганс не мог достать до нее, и под руками у него не было ничего, кроме драгоценнейшего его сокровища – книжки со сказками. Но он все–таки бросил ее в кошку; корочки переплета оторвались и полетели в одну сторону, а книжка в другую. Кошка же только слегка отодвинулась и посмотрела на Ганса, словно говоря: "И не суйся лучше, милый мой! Я–то могу и бегать и прыгать, а ты вот нет!"

Ганс следил за каждым движением кошки и весь трепетал от волнения. Птичка тоже заметалась в клетке. Позвать было некого, и кошка точно знала это. Вот она опять стала готовиться к прыжку. Ганс принялся махать на нее своим одеялом – руками–то он мог действовать, – но кошка не обращала на одеяло никакого внимания. Наконец, Ганс даже запустил в нее одеялом,, но без всякой пользы; кошка вскочила на стул, а потом на подоконник, откуда было ближе добраться до птички.

Вся кровь прихлынула к сердцу Ганса, но он о том и не думал, он думал только о кошке и птичке. Что же, однако, мог он сделать? Как ему сойти с постели? Он не мог даже встать на ноги, не то что двигаться!.. Сердце мальчика как будто перевернулось в груди, когда он увидел, что кошка вдруг прыгнула с окна прямо на сундук и опрокинула клетку набок. Птичка отчаянно забилась. Ганс вскрикнул, по телу его пробежал судорожный трепет, и он, не помня себя, спрыгнул с постели, кинулся к сундуку, крепко схватил клетку с перепуганной птичкой и выбежал на улицу. Тут у него брызнули из глаз слезы, и он громко возликовал: "Я могу ходить! Я могу ходить!" Он вдруг выздоровел; это случается, случилось и с ним.

Учитель жил рядом. Ганс и кинулся к нему как был – босоножкой, в одной рубашонке да курточке, с клеткой в руках.

– Я могу ходить! – кричал он. – Господи Боже мой! – И он зарыдал от радости.

Да, вот была в тот день радость в доме Оле и Кирстины!

– Счастливые этого дня нам уж не дожидаться! – сказали они оба. Ганса позвали к господам; много лет уже не ходил он по этой дороге, и теперь ему казалось, что и деревья–то все и кусты, которые он так хорошо знал, кивали ему ветвями и говорили: "Здорово, Ганс! Добро пожаловать!" Солнышко так и играло у него на лице и в сердечке!

Добрые молодые господа усадили Ганса и так радовались его выздоровлению, словно он был им родной. Особенно радовалась сама госпожа: это она ведь подарила ему и книжку со сказками, и птичку. Птичка, правда, околела от испуга, но все–таки была виновницей выздоровления Ганса, а книжка тоже сослужила немалую службу: развлекала и утешала и мальчика, и его родителей. Он и не хотел расставаться с нею никогда, хотел беречь и постоянно перечитывать ее, до какой бы глубокой старости ни дожил! Теперь он уже мог быть в помощь своим родителям и собирался научиться какому–нибудь ремеслу – лучше всего переплетному: тогда ему можно будет читать все новые книги!

Но после обеда госпожа призвала к себе родителей Ганса – она уже поговорила о мальчике с мужем. Ганс был мальчик прилежный, набожный и способный к учению, ну и Господь не оставит его!

В этот вечер родители Ганса вернулись домой как нельзя более довольные, особенно Кирстина, но через неделю она заливалась горькими слезами, снаряжая своего Ганса в путь. Правда, его одели в хорошее платье, и сам он был мальчик хороший, но теперь его приходилось отправить за море, далеко–далеко! Он поступит в гимназию, и пройдут долгие годы, прежде чем родители опять свидятся с ним!

Книжку со сказками ему не дали с собою: родители хотели сохранить ее на память. И отец частенько перечитывал все те же две сказки – их–то он знал!

И вот от Ганса стали приходиться письма, одно другого радостнее. Он жил у хороших людей, в хорошей обстановке, а лучше всего было то, что он мог посещать школу! Многому мог он там научиться! Теперь у него было только одно желание: дожить до ста лет и потом когда–нибудь сделаться школьным учителем!

– Дожить бы нам до этого! – толковали родители, пожимая друг другу руки, словно шли к причастию.

– Да, вот что случилось с Гансом! – сказал Оле. – Господь, значит, печется и о детях бедняков! На нашем–то "сидне" это как раз и сказалось. А, право, все–таки это смахивает на сказку! Так вот и кажется, что "сидень" только прочел нам обо всем этом из своей книжки со сказками!

Другие сказки Андерсена